

Вступление

На Токио обрушился редкий для него сильный снегопад.

Вот уже конец января, и сегодня я пришел в рётэй Сасагава.

Из окна в коридоре открывался вид на сад, в котором разворачивался вечерний снежный пейзаж, залитый искусственным светом.

Я и Камогава легким шагом заблаговременно отправились к назначенному месту.

По пути Камогава остановился и принялся любоваться заснеженным видом.

— Помните, как больше десяти лет назад мы ждали Наоэ-сенсея под зимним небом?

— Да. Будто вчера было.

— А ведь в тот день вам вверили проект Белая комната, Аянокоджи-сан, тогда же назначили и меня. Пришлось через многое пройти, и все же нам удалось достичь всего того, что мы имеем сейчас.

Он прав. Дело не ограничилось лишь одной-двумя историями, о которых никому нельзя рассказывать и которые придется унести с собой в могилу.

— Знаешь, а ты вырос. Похоже, даже смог постичь все азы политики.

— И я очень признателен вам за это. Работа под началом Наоэ-сенсея и вашим, Аянокоджи-са... Аянокоджи-сенсей, стала для меня большим шагом вперед. Единственное, о чем я сожалею, — что не могу рассказать о достигнутом нами вплоть до этого дня моему отцу, покинувшему нас в прошлом году...

Отец Камогавы скончался от инфаркта практически ровно год назад. А ведь его сын поставил перед собой цель: лично рассказать ему о проекте Белая комната.

Рассказать об учреждении, в котором государство принимает и воспитывает детей.

И что пусть на сегодняшний день старшая школа Кодо Икусей лидирует с огромным отрывом, мы сможем не только догнать ее, но и перегнать.

Поведать об учреждении, которое будет спасать жизни появившихся на свет детей.

О том, как в учреждении будет проходить обучение этих детей, как их сделают гениями, как Белая комната станет неотъемлемой частью будущего мира.

Жизни, выбрасываемые в туалетах. Жизни, прерванные абортами. Жизни, отнятые из-за невозможности обеспечения должного ухода. И все эти проблемы можно решить под эгидой правительства. К тому же проект станет решением вопроса низкой рождаемости.

— Нужно лишь достигать новых высот в плане получаемых результатов. И ни в коем случае не довольствоваться тем, что мы имеем сейчас, Камогава.

— Х-хорошо!

Сегодня особенный день. Текущая ситуация отличается от той, когда мы ждали Наоэ-сенсея под зимним небом. Хотя и не без проблем, но эксперименты Белой комнаты начали исправно приносить результаты. Наконец-то сегодня я во всех подробностях доложу о них Наоэ-сенсею, после чего смогу оказаться на сцене.

Это первый шаг для того, чтобы выйти в свет.

Без определенного упорства и невероятных усилий ничего добиться не получилось бы.

Мы первыми сели за столик и стали дожидаться появления Наоэ-сенсея, оставив ему самое почетное место.

По правилам приличия мы должны вообще-то ждать снаружи, но так распорядился сам Наоэ-сенсей. Лично я счел такой жест некоторым выражением признательности.

— После того как об этом проекте узнает мир, Наоэ-сенсей наконец сможет встать во главе нашей страны.

— Став... премьер-министром, так?

Насколько я знаю, подготовка к предстоящим выборам прошла как по маслу.

— И не очередным премьером. Его репутация и власть будут даже выше, чем у предыдущих людей на этом посту.

Пожалуй, он станет во главе нашей страны, можно сказать, в буквальном смысле.

Обычно я не испытываю волнения или напряжения, но сейчас чувствую, как сердце начало биться немного быстрее. Ведь ради этого проекта я поставил на карту свою политическую

жизнь.

Я столько раз видел во сне тот день... когда мне воздастся за труды сполна.

— Наоэ-сенсей прибыл.

По прошествии тридцати минут, таких коротких и одновременно длинных, нас известили о прибытии Наоэ-сенсея.

— Ого, даже раньше, чем я ожидал, — произнес Камогава.

Опоздание было всего-то на десять минут от назначенного времени. Удивительно, конечно, но я был готов ждать и час, и даже два.

— Это что получается, Наоэ-сенсей питает к проекту такой сильный интерес? — обрадовался Камогава, за что я вынес ему небольшое предупреждение.

Сейчас нужно запереть все ненужные эмоции, поскольку нам предстоит серьезный разговор с Наоэ-сенсеем.

Перед тем, как сдвинулись сёдзи, мы, сидя в позе сейдза, едва не уткнулись лбами в пол.

Затем послышались уверенные, но тихие шаги Наоэ-сенсея.

— Простите, я немного припозднился, — принялся он извиняться, как только показался.

От его слов у меня внутри невольно возникла неопишуемая тревога.

— Нет-нет, не стоит. Спасибо, что несмотря на мороз, вы проделали столь долгий путь, — произнося эти слова, я старался выкинуть из головы отвлекающие мысли.

Волноваться не о чем.

В этот самый момент я определенно делаю следующий шаг на пути к реализации своих амбиций.

— Для начала поднимите головы. Иначе не двинемся дальше.

— Конечно...

Мы подняли головы, и я сразу потянул руку к бокалу, чтобы налить пиво Наоэ-сенсею. Однако он меня остановил:

— Сперва нам надо поговорить.

— Прошу прощения, — я немедленно отступил, сел обратно и начал слушать сенсея.

— Тем есть несколько, но... начну, пожалуй, с главной, — с запинкой, словно вспомнив о чем-то, произнес Наоэ-сенсей. — Я решил... не баллотироваться на следующих выборах премьера.

— Что?..

Я даже целое мгновение не мог понять смысл того, что он сказал, — вот настолько ответ вышел нелепым.

И наверняка то же можно было сказать и о сидящем рядом Камогаве.

Воцарилась тишина. В ушах стоял лишь громкий звон.

— Сенсей... вы так, должно быть, пошутили? — произнес Камогава. И не для того, чтобы получить подтверждение, скорее слова вырвались совершенно случайно.

Если бы он не влез, моя реакция, скорее всего, была бы точно такой же.

— Нет, это правда. Кандидаты будут определяться послезавтра, я проголосую за выдвижение Киджимы. Точнее, буду вынужден так сделать.

Киджима? Но почему? Почему Наоэ-сенсей решил поддержать Киджиму-сенсея? Насколько бы он ни был молод и подающим надежды, но Наоэ-сенсей находится явно выше него.

— Подождите. Но почему? Наоэ-сенсей, вы ведь столько готовились ради этого момента, разве нет?.. — выпалил я, наклонившись вперед, не в силах сдержать эмоций.

Понятно, мало просто стать премьер-министром.

Дело в том, что у Наоэ-сенсея и в прошлом были шансы, однако он не стремился к руководящей должности. Тем не менее продолжал долгие годы оставаться во власти, будучи серым кардиналом.

И все же его становление премьером на этих выборах — дело предрешенное. Если же он снимет свою кандидатуру... это же равносильно потере реального лидера.

Стоит Киджиме-сенсею лишь однажды отнять место, как, вне всяких сомнений, он вцепится в него и не отпустит до последнего. А как только фракция Наоэ-сенсея начнет терять свое влияние, другого шанса встать во главе уже не представится.

Не могу отделаться от мысли, что произошло что-то плохое, раз он решил отказаться. И не исключено, что это также может сильно повлиять на Белую комнату.

На уровне инстинктов мне это стало ясно, и потому был вынужден уточнить. Потому что больше всего удивления вызвало решение Наоэ-сенсея поддержать Киджиму-сенсея.

— Р-разве у вас с Киджимой-сенсеем... не прямая конфронтация, Наоэ-сенсей?.. — упомянул Камогава, также не сдержавшись.

Будь то в правительстве, СМИ и других местах, везде сошлись на том, что на пост премьера от Гражданской партии претендуют всего три кандидата. Среди них безусловный лидер — Наоэ-сенсей, далее идет непосредственный конкурент Исомару-сенсей, замыкает тройку с большим отставанием Киджима-сенсей. Лишь у них есть билет, дающий право стать премьером. И Наоэ-сенсей, несомненно, был наиболее перспективным кандидатом.

— Мне тоже не хочется, чтобы он стал премьером, но выбора особо не дают.

— Хотите сказать, что не удалось набрать голосов?..

— Да. Из Гражданской партии голоса между мной, Исомару и Киджимой разделились поровну, а раз так вышло, думаю, кое-кто из оппозиционной партии решил меня раздавить. По моим подсчетам, мне не хватит от двадцати до тридцати голосов, — смиренно улыбнулся Наоэ-сенсей. Похоже, он уже перепробовал самые разные стратегии. — Допустим, у нас выйдет разыграть неплохую схватку, но если проиграю, то сильно сдам свои позиции. В таком случае остается ведь только поддержать Киджиму и не выдвигать себя, тем самым отдав предпочтение сохранению текущего положения, верно? Он молод, у него есть энергия и силы. Я попробовал покопаться в его грязном в белье, но не смог найти ровным счетом ничего.

Политик, у которого нет ни женщин, ни денег, ни постыдных деяний в прошлом. Подобные личности встречались во все времена.

— Но не лучше ли тогда будет поддержать Исомару-сенсея? Вы соперники, но и старые знакомые тоже. Думаю, незачем держаться Киджимы-сенсея, с ним ведь сложно иметь дело...

«Не хочу уступать победу своему сверстнику», — к такому ребячеству он бы явно не пришел. Если бы счел, что работать под началом Исомару-сенсея — решение верное, согласился бы на него без лишних раздумий.

— Ты и сам понимаешь, не так ли? Я решил, что смогу получить больше, примкнув к Киджиме.

Если сейчас на ходу запрыгнуть в лодку Исомару, с большой вероятностью нас пустят ко дну обоих. Да и в моей фракции многие склоняются к поддержке Киджимы.

Выходит, пускай эта инициатива исходит от самого Наоэ-сенсея, он опасается раскола, если против воли большинства примет сторону Исомару-сенсея.

Я даже понятия не имел, что его положение настолько безысходное.

Казалось бы, я полностью погрузился в мир политики, но, похоже, меня за это время и близко не коснулись закулисные процессы.

— Е-еще слишком рано сдаваться, Наоэ-сенсей! У нас же есть проект Белая комната! Мы можем использовать его как оружие и тогда...

— Камогава, довольно, — жестко осадил я увлекшегося Камогаву. — Раз так решил Наоэ-сенсей, нам остается только подчиняться. Что касается Белой комнаты, это вопрос отдельный, понимаешь?

Разумеется, Наоэ-сенсей уже пообещал Киджиме-сенсею оказать свою поддержку. То есть между ними должно быть неофициальное соглашение, что он займет практически такой же пост. Сильно сказаться это не должно.

Однако...

— Аянокоджи. Вот как раз по этому поводу я и встретился с тобой сегодня. Понимаю, нехорошо получается, ведь ты столько лет работал не покладая рук, но сейчас необходимо, чтобы на какое-то время ты залег на дно.

Прозвучало именно то, чего мне меньше всего хотелось слышать; тело прошиб холодный пот.

— Что вы имеете в виду, Наоэ-сенсей?..

Хотя я начал осознавать, к чему ведет разговор, но поверить никак не мог.

— Знаю, что ты хочешь мне высказать. Но все можно реализовать только в том случае, если я сохраню свое нынешнее положение. Ты это хорошо понимаешь?

— Разумеется...

— Мне негласно пообещали следующий пост, однако это вовсе не означает мою победу. Проиграв фракционную борьбу, я смог отстоять свой последний оплот, только и всего. И

поэтому никак не могу выдвинуть проект Белая комната, учитывая, что он может привести к разногласиям.

Если Наоэ-сенсей сделает что-то не так, наверняка Киджима-сенсей со своими сторонниками просто так этого не оставит.

Совершенно очевидно, его будут подозревать в том, что он затеял снова поднять свою репутацию и сплотить вокруг себя людей. Эта логика мне понятна.

— Аянокоджи, ты — человек выдающийся.

— Д-да, благодарю вас...

— Я не сужу людей только лишь по их образованию. Ты и сам должен это понимать, поскольку я подобрал даже такого обделенного.

— Мир политики всегда требовал от человека специфического образования. Не будь вас, Наоэ-сенсей, подобный мне человек не смог бы в нем обосноваться.

Наоэ-сенсей кивнул со вздохом.

— Хорошо это или плохо, но засидевшиеся в политике люди — сплошь бесталанный и ничем не выдающийся сброд, у которых, кроме дипломов, больше ничего нет. Им лишь бы сохранить звание политика и высокий уровень дохода. Такая участь ждет всех, неважно, о каком политике идет речь: о праведнике или желающим стать настоящим отморозком. — Наоэ-сенсей потянулся было к пустому бокалу, однако тут же убрал руку. — А вот Киджима остается таким, какой он есть. Он, черт бы его побрал, занимается политикой всерьез.

Интересно, разве Наоэ-сенсей хвалил так кого-нибудь прежде? Хотя это больше похоже на разбор полетов после окончания битвы.

— Знаешь, в тебе это тоже чувствуется. Пускай наклонности другие, но ты себе верен.

— Я никогда не изменял своим убеждениям и принципам и впредь не собираюсь...

— Ты ведь поставил цель... поставил цель встать во главе страны, не так ли?

— Да.

— Сказал, даже не запнувшись. Но это будет означать свержение Киджимы. А с ним разобраться трудно, понимаешь?

— Мне хватит решимости. Но если вы решили поддержать Киджиму-сенсея, позвольте и мне поступить соответствующим образом. Впредь я ради вас, Наоэ-сенсей, и ради Киджимы-сенсея буду...

— Я вроде сказал тебе на какое-то время залечь на дно.

А-а, так вот оно что?

У меня было плохое предчувствие.

Похоже, не зря.

— О чем вы?..

— Для Киджимы ты теперь как бельмо на глазу. За последние несколько лет ты успел связаться с типами из финансовых кругов, укрепить с ними отношения, а потом и действовал с явным размахом. Он об этом слышал не раз и не два. Понимаешь? Такого человека я не могу оставить у себя в подчинении.

— Я лишь исполнял ваше распоряжение, сенсей. Разве вы не говорили заняться этим делом с полной отдачей? Для создания учреждения, которое затмит «Коику», ради изменения нашей страны...

На этом выражение лица Наоэ-сенсея изменилось.

— Ты, полоумный, ни черта не ограничился управлением Белой комнатой, так еще и заграбастал себе немало денег. Сдружился с якудзой и стал не каким-то там обычным политиком. А? Не так все было? Я разве говорил заходить так далеко? Ты, что б тебя, еще и ради своей безопасности совсем в отрыв ушел. Хоть на миг задумывался, сколько за эти года мне пришлось замять дел?

Изменилась даже манера его речи, в мой адрес начали сыпаться весьма жесткие замечания.

— В таком случае... что тогда делать с проектом Белая комната?

— Очевидно ведь. Полностью его свернуть.

— Н-но... Как же?..

На лице Камогавы, который еще недавно говорил о проекте с такой радостью, теперь проступило отчаяние. Я оставался невозмутимым, словно статуя Будду, тем не менее не стану

отрицать, что и мое лицо помрачнело.

Свернуть Белую комнату?

Он хоть представляет, сколько я отдал?

Нельзя же просто одним словом прикрывать весь проект... Нет, до сих пор ведь так оно и бывало. Одного слова Наоэ-сенсея было достаточно, чтобы внести изменения в любую инициативу. В этом нет ничего особенного. А перечить ему сейчас — только настроение портить.

Как ни крути, а он чувствует, как некрасиво поступает с нами, юнцами, и поэтому решил предстать перед нами лично. Если сейчас не повести себя спокойно и по-взрослому, сами же выбьем у себя почву из-под ног. Сочтет нас наглými и тут же даст пинка под зад — тогда-то у нас больше не будет шанса принести ему пользу.

Я получил столько денег, что другие могут лишь позавидовать. Пожалуй, даже если Наоэ-сенсей махнет на меня рукой, нужды испытывать не буду. Тем не менее как политик... я больше не смогу реализовать себя. Все мои амбиции пойдут под откос.

— А вот так. Без обид.

И что, это конец?

Наверное, Наоэ-сенсей не собирается задерживаться ради неспешного ужина. Вот почему он так и не притронулся к бокалу.

— Когда Киджима посчитает тебя безвредным, я снова введу тебя в игру. Ну, такой расклад устроит?

Продолжить свою политическую жизнь.

Забывать о Белой комнате и начать все с нуля.

Это единственный возможный вариант.

Я понимаю.

Все понимаю.

Понимаю, но...

— Бросьте нести чушь.

Я всегда сохранял спокойствие и действовал мудро, но не в этот раз.

А как иначе?

Он вообще знает, сколько я выкладывался ради этого проекта?

Отказался от всего и пахал как лошадь больше десяти лет ради его реализации.

Я не позволю всему пропасть зря.

— Белая комната привлекла внушительное финансирование и продолжает получать средства. О том, чтобы сворачивать проект, даже речи быть не может.

— А-а? Аянокоджи, ты в курсе, с кем разговариваешь?

Его манера держать себя отличается своей несоизмеримой властностью. Даже не подумаешь, что перед тобой сидит старик.

Он совершенно не страшился моего влияния, вместо этого направил на меня темный взгляд.

Это стало обыденностью для Наоэ, который разменял не один десяток лет в политических кругах.

Но все равно ничего не изменится, даже если я отступлю. Скорее, стоит лишь раз пойти против него, и обратной дороги не будет.

— Я сказал — свернуть проект. Ты обязан подчиниться. Склони голову и уничтожь его, пусть даже ценой адских мук. Не сможешь, так полезай в петлю и сдохни.

— И вы говорите мне об этом сейчас?

— Сейчас, не сейчас — какая к черту разница?

— Я не могу с этим так просто смириться.

— Да мне все равно, можешь или нет. Тебе сказано его закрыть.

— Что тогда будет со мной? Я обучался лишь у вас, сенсей, и ради проекта отказался от всевозможных благ. Даже если сохраню за собой статус политика, от него не будет толку, ведь воспользоваться им не смогу.

— Потерпи пару лет. Когда все закончится, дам следующую работу.

Поверить ему?

Ни за что.

— Наоэ-сенсей, по вашим указаниям я действовал исключительно в интересах Белой комнаты. И я никак... никак не могу смириться с этим бредом!..

Остается лишь сокрушаться.

А как иначе?

— Знаю, что ты сейчас чувствуешь. Но ты сам понимаешь, что к чему. Так уж устроен мир. К тому же я сам оказывал тебе внушительную помощь. Я поддержал твое переизбрание, чтобы ты мог заниматься продвижением проекта. Благодаря этому ты победил на выборах с минимальными трудовыми затратами. Не так ли?

Действительно, как правило я полностью доверял всю необходимую предвыборную деятельность Наоэ-сенсею. И своим избранием я обязан ему.

Однако одной только благодарности недостаточно, если он собирается перечеркнуть все мои старания.

— И я за это вам признателен. Но...

— Пойми ты наконец, Аянокоджи. Если будешь так настойчиво цепляться за единственный проект, потеряешь почву под ногами.

Чего я с таким отчаянием цепляюсь за него? Вероятно, даже съездившийся Камогава не имеет ни малейшего представления.

Я упорствую вовсе не из-за нежелания закрывать проект Белая комната. Просто мне понятно, что будет дальше.

Для Наоэ-сенсея «я» стал тем, от кого нужно избавиться. Хоть он и сказал, что даст другой шанс, но вплоть до следующих выборов оставит меня сидеть без дела, а как придет время, не

станет в них поддерживать. Так он планирует вышвырнуть меня.

Сколько я, по его мнению, повидал политиков, от которых избавлялись точно таким же образом?

Иными словами, моя судьба как политика была предрешена ровно в тот момент, когда мне велели приостановить деятельность.

Дальше верх взяли инстинкты — они велели сопротивляться до последнего, раз все идет именно к концу.

— Вы хотите сказать... что я должен принять удар на себя?

— Ты молод. В отличие от меня, старика, которому осталось недолго, в будущем тебе еще выпадет немало шансов. А вот у меня остался лишь тот, что есть здесь и сейчас. Я не могу отступить. Потому что собираюсь умереть, оставаясь политиком.

— Сенсей...

— Я ведь не говорю тебе полностью отречься. Просто не высывайся.

— Сенсей, вы же не собираетесь избавиться от меня?

— Конечно же нет. Ничего плохого я не сделаю. Может, я выразился резковато, но если посмотреть на вещи иначе, то Киджима о тебе высокого мнения. Посидишь спокойно какое-то время, и следующий ход за тобой. Тогда и сможешь показать, на что способен. Что скажешь?

Это конец...

— Я вас понял...

— Да? Вот и славно.

— Как вы и сказали, Наоэ-сенсей, проект Белая комната подлежит закрытию. С завтрашнего дня я приступлю к необходимым для этого процедурам. — Затем я глубоко поклонился.

— Что ж, рассчитываю на тебя.

Наоэ-сенсей уже потерял ко мне всякий интерес. Не имеет значения, насколько я способен. Больше он мной пользоваться не будет, потому что избавиться нужно абсолютно от всего, что связано с проектом.

Часть 1

— Кх!..

Как только Наоэ ушел, в помещении остались лишь рыдающий Камогава да остывшая еда.

— Да пошел он!.. — крикнул я, выплескивая недовольство. — Показать, на что я способен? Издевается...

Стоит лишь раз выбыть из мира политики, и на этом все закончится. Попытаешься подняться, как тебя сразу раздавят.

— И что теперь с нами будет? Неужели нам конец?.. Ах... — сокрушался Камогава.

Может, надо было врезать на прощание?..

Нет, удар принес бы мне сиюминутное удовольствие, а в этом смысла нет. В тот же день мне бы просто связали руки, и я потерял бы не только свое положение, но и все то, чего добился до сих пор.

Будь это детская склока, можно было бы пустить в ход кулаки и показать, кто сильнее. Однако физическая сила в этом мире является не более чем одним из множества доступных орудий, да и его эффективность невысока. А Наоэ хоть и выглядит дряхлым стариканом, но у него в запасе много всяких орудий.

— Не подумай только, Наоэ, что можешь мною воспользоваться, а потом избавиться без последствий...

Сжав кулак, я со всей силы ударил по татами, вымещая злость.

Да, именно так это называется: использовать и выкинуть за борт.

Так устроен мир политики: стоит один раз упасть, и можешь оставить всякие надежды подняться вновь. Выступающий гвоздь забивают, и на этом все.

— Мне конец?

Даже произнеся эти слова вслух, я не смог осознать их в полной мере.

Представляет ли он, сколько мне пришлось вынести, чтобы добраться до верхушки страны ради ее изменения? Сколько унижений, оскорблений и презрения мне пришлось пережить?

От него больше ничего ждать не стоит.

Но если подниму голову сейчас, мне точно конец.

Наоэ и я — две стороны одной монеты. Уничтожь орла, и тогда не будет меня, находящегося на обратной стороне. Можно сказать, пока он не уйдет в отставку... Нет. Пока он не умрет, для меня все дороги назад закрыты.

А раз так... Убрав его, у меня появится шанс снова оказаться в деле. Может, позвонить Обе и заказать ему Наоэ?..

— Нет, я что, совсем дурак?..

Если обратиться с таким поручением, Оба от меня просто отвернется. На чьей стороне он получит больше выгоды? Тут даже и думать нечего.

— Камогава. Бери себя в руки, с завтрашнего дня начнешь все по новой.

— Ну да... Да, ничего другого-то и не остается... А что вы собираетесь делать, Аянокоджи-сенсей? Неужели проигнорируете приказ Наоэ-сенсея?

— Мне конец в любом случае... Даже если прекратить сопротивляться, отношение ко мне это не изменит. Тогда продолжу заниматься Белой комнатой, пусть и ценой ухода из политики.

— П-подождите, пожалуйста! Я вас очень уважаю, Аянокоджи-сенсей! И считаю, что однажды... что однажды вы превзойдете самого Наоэ-сенсея! Прошу, не говорите мне, что вы сдаетесь!

— Это уже предрешено. И не в моей власти изменить что-либо. Но ты все еще можешь спастись. У тебя осталось влияние отца. А раз так, то продолжай и дальше биться под руководством Наоэ, будучи при этом политиком.

— Аянокоджи-сенсей!..

— Я не оставлю ни Белую комнату, ни политику. Однако на время о том мире придется забыть.

Возможен только один-единственный путь.

— Каким бы влиятельным ни был Наоэ, но нас он явно не переживет. В конце концов, он умрет раньше.

Это займет время, но случится обязательно.

Старику осталось недолго, поэтому позволю ему наслаждаться политической жизнью сколько душе угодно. Но как только для него будет все кончено, я...

Я улыбнулся и похлопал Камогаву по плечу.

— Когда вернусь в политические круги, то сотру в порошок не только самого Киджиму, но и его сына.

— Ха-ха... Когда вы так говорите, Аянокоджи-сенсей, на шутку это совсем не похоже, — сказал Камогава, вытирая слезы. А его лицо тронула легкая улыбка.

Часть 2

Отправив домой Камогаву на такси, я пошел в одиночестве по погруженной во мрак заснеженной дороге. Решил остаться наедине и остудить голову.

Нужно подумать о том, что будет дальше. Но сперва надо прояснить моменты и привести мысли в порядок.

Достав телефон, я набрал одному человеку. Была уже почти ночь, но уверен, он непременно ответит.

— Скажи, Цукиширо, почему Наоэ отказался от своего положения и примкнул к Киджиме?

— Интересные же вы вопросы задаете, а я только начал гадать, зачем вы звоните.

— Ты ведь знаешь все и обо всем, не так ли?

— До сих пор Наоэ-сенсей считал себя величайшим политиком. Однако к нему пришло понимание, что Киджима-сенсей превосходит его.

— Бред.

— Их принципы могут отличаться кардинально, но и общего у них предостаточно.

— И ты считаешь... это должно меня убедить?

— Белая комната, к которой вы имеете непосредственное отношение, отнюдь не вызывает

радости у Киджимы-сенсея.

— О чем ты? У него есть «КоИку». А Белой комнатой он может воспользоваться как вторым политическим проектом.

— Да, у него есть основной проект. Однако в то же время неофициально ведутся работы по другой, схожей программе... Я хочу сказать, второму проекту уже дан старт. И преждевременное появление на публике вашего — нежелательно для него.

— Вот из-за чего Наоэ от меня избавился?..

— До Киджимы-сенсея дошли сведения о Белой комнате, правда, неизвестно, на какой стадии. Видимо, он переговорил с Наоэ-сенсеем и пообещал ему в будущем пост в обмен на закрытие проекта.

Киджима тоже придумал программу, причем ее идея схожа с Белой комнатой... Подумать только.

— Но и дело не только в этом. Вы оказались намного более способным, чем Наоэ-сенсей себе представлял. За прошедшие годы он давал немало поручений, но не кажется ли вам, что зачастую он требовал слишком многого?

— Ну да, было такое...

— Скорее всего, это все из-за страха сенсея перед вами. Похоже, в какой-то момент он стал надеяться не столько извлечь пользу, сколько сломить вас. Но даже так вы не допускали ошибок. Хотя нельзя сказать, что обошлось совсем без них. Но вам удавалось замечать следы, не привлекая лишнего внимания, и уже этим ваши выдающиеся способности заслужили высокую оценку со стороны Наоэ-сенсея. Однако воспитывал он вас вовсе не для того, чтобы вы оказались на вершине. Я предполагаю, сенсей рассчитывал, что ваш сын станет его правой рукой, когда тот станет во главе страны. Проницательность Наоэ-сенсея позволяет уловить любую мелочь, однако один просчет он все же сделал: не осознал непомерность ваших амбиций.

Прошло бы всего лет десять, и тогда меня никто не смог бы остановить, даже сам Наоэ. Выходит, он решил действовать наперед?

Сделать небольшой подарок моему сыну или подложить бомбу мне, который может стать его погибелью?

— Мой ответ вас удовлетворил?

— Почему ты решил честно мне все выложить?

— Будь вы человеком, которого можно сломить только этим, мы бы сейчас не разговаривали. Моя интуиция говорила, что вы как раз не такой. Однажды вы вновь окажетесь на сцене, став еще сильнее. Потому-то я и рассказал вам все.

— Мудрое решение. Но я так понимаю, вы при любом конце смогли бы выпутаться, не так ли?

— Глупый вопрос.

Он делает ставку не только на меня одного. Всегда может как принять чью-то сторону, так и сделаться врагом. Если он сочтет и меня бездарным, наверняка в тот же миг оборвет все связи.

— Информацию обо мне можешь продавать кому захочешь, хоть Наоэ. Но взамен мне тоже нужна от тебя информация. Будет лучше, если создадим такие условия, при которых сможем наблюдать друг за другом на постоянной основе.

— Как пожелаете.

— Похоже, наше знакомство окажется весьма продолжительным.

— Я на это надеюсь. Если вам понадобится что-либо, можете связаться со мной в любое время, Аянокоджи-сенсей, — сказал Цукиширо, после чего завершил звонок.

Именно, для меня это еще не конец.

Чтобы впредь защищать свою жизнь, я должен укрепить свое положение и заручиться влиянием. И вместе с тем создать целую армию Белой комнаты.

Часть 3

Пятидесятиэтажное здание, двести метров в высоту.

Именно здесь, в элитном отеле-небоскребе в Токио, на среднем этаже располагался банкетный зал.

Прибыв чуть раньше назначенного времени, я зашел в лифт и, когда тот начал подниматься, задумался. Бронирование зала на три часа с подачей еды для шестидесяти человек обойдется в три миллиона йен. Сумма может показаться небольшой, но это и немало, учитывая безрадостное финансовое положение.

С каждым годом после начала работы учреждения масштабы приемов мало-помалу увеличивались. Взносов должно стать еще больше, чем было раньше. Тем не менее многие

состоятельные люди повернулись ко мне спиной, и не без помощи Наоз. Это ясно из того, что количество сторонников резко сократилось с двухсот до шестидесяти.

Деньги, нужны деньги. Необходимо заполучить сотни миллионов.

Все, что мне остается сегодня, это проявить собственное мастерство.

Я встретился взглядом со своим отражением в зеркальной поверхности огромного лифта. И понял, как сильно постарел. Но, оглядываясь назад, я могу спокойно поразмышлять о прожитых годах.

Думаю, продолжение деятельности Белой комнаты можно назвать чудом.

Но пройдена лишь половина пути.

Прошло уже много времени с тех пор, как я был выслан из мира политики, но пламя моих амбиций теперь горело гораздо ярче, чем когда-либо.

Когда лифт поднялся на нужный этаж, я вышел из кабины и прошел в аванзал.

Утратив свое положение политика, теперь я получал и соответствующее отношение людей, — как к бывшему политику. В обычных обстоятельствах это означало бы значительное снижение моего влияния. Однако у руководителя Белой комнатой оно неуклонно росло. Иначе люди, называемые богачами, ни за что бы сюда не пришли.

— Аянокоджи-сенсей, как раз пришло время.

— Ага.

У меня было много вещей, над чем стоило подумать, но сейчас главное решить финансовый вопрос. Чем больше становится масштаб Белой комнаты, тем дороже обходится эксплуатация. Чтобы покрыть расходы, нужны вовсе не одноразовые вложения, а полноценная долгосрочная финансовая поддержка.

— П-простите, что заставил ждать.

— Ты какой-то нервный. Сколько раз уже успел сходить в уборную?

Вернувшись в аванзал, Табучи сел и принялся беспокойно стучать левой ногой.

— Когда наконец избавишься от этой дурной привычки?

— Простите. Просто как подумаю, вот что, если не сможем ухватиться за шанс?.. Из-за этого и нервничаю.

Действительно, если нам не хватит средств, проект Белая комната столкнется с огромным препятствием. Если закончится все временной остановкой, то ничего страшного, а вот прекращение обучения детей с этих пор — уже смертельно. Это как если бы неоперившиеся птенцы погибли от заражения патогеном.

— Послушай, Табучи. Нельзя закрывать глаза на факт, что запасного варианта у нас нет. Но именно поэтому мы должны смело идти вперед и не оглядываться. А что будем делать после того, как упадем, подумаем после самого падения.

Темп, с которым левая нога Табучи стучала по полу, замедлился. Он поднял взгляд и отметил:

— Вы сильный человек, Аянокоджи-сенсей.

— Это еще ничто, если сравнивать с трудностями, через которые пришлось пройти: то, как Наоэ использовал меня, указания приостановить проект Белая комната, лишение статуса политика.

И несмотря на это, я не переставал идти вперед. Вся моя жизнь, о которой не могу никому рассказать, — это путь из одних невзгод, и я горжусь тем, что продолжаю по нему идти.

До людей вроде Наоэ и Киджимы мне еще есть куда расти, но на данном этапе заурядным госслужащим уже не так-то просто назначить мне встречу. Меня лишили статуса политика, и все же теперешний я однозначно перерос прошлого себя.

Не успел опомниться, и Табучи перестал стучать ногой о пол, его руки были сжаты в кулаки.

Я должен показать тем, кто верит в Белую комнату, что ни о чем сделанном не жалею.

— Скажите, у нас есть шансы выиграть в сегодняшнем бою?

— Разумеется. Знаешь про такое оружие, которое очень мощное, но доступно каждому?

— Э?.. А такое вообще существует?

— Еще как. Весьма опасная штука, обоюдоострый меч. Называется «ложь».

— Ложь?..

— Некоторые пришли в мир политики, используя исключительно одну ложь. Вот какая сила содержится в этом оружии.

Конечно, ложь полезна только в умелых руках.

— Мы воспользуемся этим оружием. Пойдем, Табучи, наступил момент истины для Белой комнаты.— Так точно!..

Часть 4

Богатые люди первым делом соревновались друг с другом по части надеваемой высококачественной и модной одежды. Затем соперничество переходило на дома, автомобили и компании. А вот что следовало после — удивляло и поражало в равной степени.

На такого рода приемах обычно присутствовали только взрослые, едва ли можно было усмотреть скопище детей. Но для приемов для бизнес-элит верно обратное: количество присутствующих детей сильно возрастало. Ведь заранее было определено, что они так или иначе пересекутся в будущем. Будь то партнеры или конкуренты. Независимо от положения, организовывать знакомства для преемника — не всегда плохо.

Прежде всего, детей приводят те родители, которые считают их выдающимися. Они состязаются единственными и неповторимыми картами, выставляя их напоказ, точно хвастаясь игрушками.

Наверное, это одна из причин, почему Белая комната была принята финансовым миром.

— Ха-а...

Иронично. Ведь представлению о вещах и ценностях научил меня Наоэ. Теперь он стал моим самым злейшим врагом, но его сила, несомненно, самая что ни на есть настоящая.

Прием только начался. Первым делом я вышел приветствовать всех и показался всем присутствующим.

— Давненько не виделись, Аянокоджи-сенсей.

Ко мне обращались самые разные люди, но только этот мужчина — с кричащим цветом волос, ни капли не соответствующему человеку средних лет — бодро подошел ко мне.

Мигом приняв деловой вид, я обернулся и протянул правую руку.

— И правда, много времени прошло, директор Амасавы. Два года, если не ошибаюсь? Я хоть и отправил вам приглашение, но очень боялся, что вы не примете его.

— Не-е, что вы. Уж простите, что не вышло прийти в прошлом году. Понимаете, моя дама настаивала провести день рождения на Гавайях, вот так-то. И на работе тоже был завал, ни минуты лишнего времени! В итоге я взял, да купил дом на Гавайях, ну и остался там.

— Похоже, на работе и в личной жизни у вас все идет хорошо.

Он должен быть ненамного старше меня, но производил вовсе не такое впечатление — в плохом смысле.

С ног до головы одет в брендовую одежду, которая в почете у молодых людей, еще и обут в неподходящие под мероприятие сандалии. Под понятие дресс-кода это вообще не попадало. И если он обратится к кому-то незнакомому, ничего удивительного, если тот просто отвернется и уйдет подальше от такого человека.

Сама неординарность. Наверное, пытался выставить себя уникалом, заметным человеком.

Мне совершенно не нравится ни его вкус одежды, ни образ мышления, но обойтись с ним плохо не могу, поскольку он один из тех, кто вложил в Белую комнату большие средства. Он не присутствовал на прошлогоднем приеме, но все равно профинансировал.

Такого человека нужно приветствовать с распростертыми объятиями и относиться к нему с уважением.

— Сенсей перестал быть сенсеем, но ощущение от вас осталось прежним. Злой политик, под каким углом ни глянь! — радостно заулыбался он, хлопая ладонью по моему плечу.

— Вы обращаетесь со мной так же, как обращались, когда я был политиком.

— Ну разумеется! Я ведь очень высокого мнения о вас, Аянокодзи-сенсей.

Пока мы говорили о пустяках, я припомнил начало разговора. Мужчина был женат, но совершенно очевидно, что под «дамой», с которой он провел время на Гавайях, подразумевалась вовсе не его супруга.

— Можем переговорить?

Улыбаясь, Амасавы провел меня к окну.

— На самом деле у меня есть просьба к вам, Аянокоджи-сенсей.

— У вас просьба ко мне? И какая же?

— Откровенно говоря, моя дама забеременела на Гавайях. Но настаивает на родах в Японии, а слушать меня не желает!

— Радостное событие, хотя немного хлопотное.

— Вот и я о чем, а? Моя жена, к тому же, подозревает меня в измене, представьте, сколько этих самых хлопот будет, если она выяснит, что у меня где-то там ребенок родился?

Если хочешь гулять, не надо было жениться. Впрочем, это уже другой вопрос.

— Дама моя боится потерять со мной все связи, хотя и понимает, что не сможет воспитывать ребенка. А иначе не настаивала бы на рождении в Японии, потому что она — самая настоящая фанатка Гавайи. — Он растерянно пожал плечами. Только было непохоже, чтобы он беспокоился за ребенка. — И мне захотелось, чтобы ребенок получил образование в Белой комнате... Что скажете?

— А она согласится?

— Конечно. Дама хочет ребенка от меня, и это ее единственная цель. У нее нет намерений становиться матерью и воспитывать его.

Лично я только рад появлению еще одного ребенка, с которым не предвидится проблем. Тем не менее есть определенные моменты, и их надо подтвердить.

— Вы ведь уже отправили свою дочь в Белую комнату, директор Амасавы.

— Отправлю еще одного ребенка, ничего ведь?

— Если надо, то да. Но вы точно уверены?

— А почему бы и нет? Дама родит, как того хочет, а я не буду обременен ребенком, поскольку он уйдет в Белую комнату. Вы, Аянокоджи-сенсей, извлечете из этого свою выгоду. И все счастливы, разве нет?

Для этого человека Белая комната так или иначе — лишь удобные ясли. Но... для меня ситуация тоже складывается весьма удачным образом.

— Вы ведь понимаете, в чем заключается смысл этого приема?

— Понимаю. Конечно же, можете рассчитывать на финансирование, и большое, между прочим. Идет? — произнес он, подняв вверх один палец. — Удвою сумму по сравнению с прошлым годом. Сто миллионов. Весьма небольшая плата за избавление от проблем.

— Я очень вам благодарен. Знаете предполагаемую дату рождения?

— А-а, погодите немного. У меня тут переписка есть...

Узнав о конкретной больнице и предполагаемой дате, я связался уже со своими подчиненными, чтобы выполнить необходимые приготовления.

— Дальше мы разберемся, задержек не возникнет.

— Спасибо, — удовлетворенно кивнул он. Затем взял два бокала шампанского у официанта, проходящего мимо. — За счастье для моего еще не родившегося ребенка. Выпьем!

Он наклонил бокал, чокнулся и осушил его одним залпом.

— Кстати, директор Амасавы. Вы же знаете правила Белой комнаты? Навещать без особой на то причины ребенка нельзя. Вы увидите с ребенком только когда он достигнет совершеннолетия или если покинет Белую комнату.

— Да-да. Слышал о таком.

— Точно уверены? Даже для матери не будет исключений.

— Точно. Надо только регулярно отсылать ей фотографии, этого хватит.

Не то чтобы имело значение, как это все будет устроено, главное ведь финансирование. Но я должен хотя бы сделать вид.

Мне нужно было подтвердить еще один момент.

— Директор, прошло уже довольно много времени с тех пор, как вы вверили нам своего первого ребенка, дочь, но ни разу так и не подошли ко мне и не поинтересовались, как у нее дела. Вы думали, как быть с ней в будущем?

Редко когда родители, сдавшие детей, даже не вспоминали о них впоследствии. Большинство хотели лично проверить успехи.

— В будущем, Аянокоджи-сенсей, займите ее, чем хотите. Прежде всего, она ведь ребенок из пробирки. У меня нет ощущения, что это мой биологический ребенок, понимаете? — незаинтересованно говорил Амасавы, будто для него это была продолжительная забава.

В Белую комнату помещались разные дети. Ребенок из пробирки Амасавы, например. Или же одного ребенка из нескольких в семье помещали в Белую комнату, чтобы сравнить эффективность образования в ней и за ее пределами.

Здесь нужно было строить догадки о чувствах и обстоятельствах другой стороны и стремиться постоянно контролировать ситуацию, чтобы никого не оскорбить.

— В таком случае приму ваше предложение и буду распоряжаться ей свободно.

До сих пор она показывала себя как вторая по способностям среди учеников пятого поколения. Заметной разницы между навыками парня и девушки нет, так что ей можно найти применение, если, конечно, не будет исключена.

— Конечно. Используйте того ребенка, как хотите и в чем пожелаете.

Он снова непринужденно хлопнул меня по плечу и навеселе принялся напевать мелодию под нос.

Среди богачей, накопивших миллиарды, есть такие люди, что совсем не ценят жизни детей. Их немного, но Амасавы именно из таких.

Для него собственный ребенок — это не показатель статуса, и только себя он ценил превыше всего. В будущем, возможно, представится еще одна возможность заполучить у Амасавы ребенка.

— Ну во-о-от, пойду-ка я. Хочется в полной мере насладиться Японией после долгого отсутствия.

— Давайте вас проведут. — Поручив Амасаву в приподнятом настроении подчиненному, я остался на месте и смотрел ему вслед. Хотелось бы сделать перерыв, но на отдых времени нет.

Часть 5

Я приветствовал всех влиятельных людей, к которым нужно было подойти в первую очередь.

В результате обхода мне удалось пообщаться, помимо Амасавы, с еще несколькими директорами фирм и заполучить новое финансирование. Целевая сумма еще не была набрана, но, можно сказать, начало положено.

Прошел где-то час с начала приема. На этом я впервые решил сделать небольшой перерыв. От стольких разговоров у меня уже немного онемела челюсть.

Однако даже во время перерыва я не намерен попусту тратить время. Очень важно постоянно обращать внимание на окружение и следить за атмосферой в зале.

Когда я подошел к официанту, чтобы взять бокал вина, кто-то едва задел меня. Налетевшим был ребенок, но он, даже не извинившись, побежал дальше.

Я задался вопросом, куда он так спешит — оказалось, в один из углов зала. Там, кажется, собрались несколько детей.

Даже если детей таскали на различные приемы родители, большинство из которых были знакомы друг с другом, совсем неудивительно, если они тоже дружат между собой.

Хотя они держались немного в отдалении от родителей, их пронзительные голоса были хорошо слышны. Особенно крики. А говорить им утихомириться, тем более если это группа, смысла нет.

Я решил подойти и сделать замечание, но обратил внимание, что они вовсе не резвятся.

Дети, включая того, кто набежал на меня, были парнишками. Всего пятеро — три ребенка окружили одного и наседали на него. Оставшийся держался чуть поодаль, но на его лице страх не читался. Я остановился, поскольку если подойду еще ближе, они меня, скорее всего, заметят. Мне стало немного интересно послушать, о чем у них шел разговор.

Дети были где-то одного возраста с Киётакой, вроде? Взаимодействия с обычными ребятами там не происходило, а потому хотелось сравнить их с детьми из Белой комнаты.

Немного понаблюдав, я понял, что у них образовалась весьма напряженная обстановка. Нормальные дети не обращали внимания ни на место, ни на время, и легкомысленно ссорились. Причем по большей части по пустякам.

— Ты правда взял автограф у Кадзуи?!

Набежавший на меня ребенок был, судя по всему, лидером, которому вторили остальные.

— Д-да!.. — ответил другой, потупив взгляд.

Не похоже, чтобы он говорил правду — по крайней мере для стороннего наблюдателя.

— Лжешь. Когда я встретился с Кадзуей, он сказал, что обычно не раздает автографы.

— Я... не лгу!

— Ну и где ты его раздобыл?

— О-он приходил ко мне домой.

— Да ну? Опять ведь солгал. Кадзуя говорил, что я первый ребенок, кому достался автограф вне игрового поля.

— Н-но я правда получил его! Он подписал футбольный мяч!..

По-видимому, речь шла о том, получил ли мальчик автограф от японского футболиста по имени Кадзуя, активно играющего за границей. Три ребенка, включая лидера, с подозрением относились к словам одного робкого. Тому, вероятно, передались сомнения ребят.

Похоже, очевидная ложь ради хвастовства и вызвала затруднительное положение.

— Тогда давайте решим большинством. Как считаете, он лжет?

Посмеиваясь, троица немедленно, словно сговорившись, подняла руки. Единственным, кто не поднял, остался молчавший до сих пор ребенок, поэтому, разумеется, к нему появился вопрос.

— А ты как считаешь, Рюджи? — обратился лидер к мальчику по имени.

Все дети явно друг друга знали.

— Я тут не причем... Смотрите сами.

— Как это «сами»? Я спрашиваю, как считаешь ты: он лжет или нет?

— Если судить объективно, я думаю, он врет. Наверное, ему следует извиниться и прямо сейчас.

Вполне естественное суждение. Ребенок, Рюджи, решил, что это ложь, и призвал извиниться. Учитывая разницу в численности и телосложениях, он посчитал, что нет смысла прикрывать его.

Самым правильным решением было бы принести извинения, но люди не всегда идут по

простому пути.

— Я н-не лгу...

Ребенок упрямо отказывался признаваться, на что Рюджи разочарованно вздохнул.

— Может, простим его? Очевидно, что он лжет, так что нет необходимости насаждать на него.

— А? А ты чего важный такой, мне попросить своего отца раздавить корпорацию твоей семьи?

Он щеголял властью своих родителей, как если бы она принадлежала и ему. И вел себя, будто какой-то король.

— Если посмеешь шутить с Ноги-куном, мало не покажется!

Ноги? Владелец «Фармакологическая компания Ноги»?

А это ведь один из самых влиятельных людей на сегодняшнем приеме. Насколько бы нелепой ни была ситуация, а у него и правда есть значительное влияние.

Правда, похоже, с воспитанием своего ребенка семья не преуспела.

— Тогда что вам надо? Чего вы хотите от Фуджи?

Понятно, у нас тут троица, куда входит Ноги, и Рюджи с Фуджи — каждый был друг с другом знаком.

— На колени! На колени! Пусть встанет на колени и признается во лжи, тогда простим!

Как банально. Сомневаюсь, что директор Ноги похожим образом заставляет людей постоянно вставать на колени, но поведение этого ребенка ненароком создаст такое впечатление у окружающих.

— Я же... говорю, что... не вру...

— Тогда докажи. Если не сможешь, а извиняться не захочешь, я тебя побью. Устроит?

Все сильнее раздражаясь, недовольный Ноги в предвкушении облизнул губы.

— Лучше извинись, да поскорее, — снова призвал Рюджи, не изменив мнения.

Фуджи, однако, качнул головой. Со слезами на глазах он продолжал настаивать, что получил автограф.

Кажется, пора вмешаться.

Не стоит и дальше закрывать глаза, пусть даже это была обычная детская ссора. Ведь если она перерастет в кровопролитие, также пострадает репутация директора Ноги.

Тем не менее положение дел в одно мгновение переменялось.

— Фуджи не врет. Я так считаю.

Казалось бы, ответ найден, но именно тогда появился шестой ребенок, привлечший к себе внимание.

Все четверо, включая не враждебно настроенного Рюджи, рассудили, что пятый лгал. Появление человека, который так не считает, естественно заставило остальных умолкнуть.

— А тебе чего? И ты кто? Что, хочешь заступиться за него?

— Не думаешь, что Фуджи нет никакой выгоды врать в окружении вас, сильных на вид?

Упорствующий ребенок продолжал настаивать на своем, и это, по его мнению, было странным.

— Ты его друг, что ли, раз встрял за него? Как не посмотри, а он лжец.

— Я бы не стал защищать его без повода. Просто я считаю, что он говорит правду, — смело выступил он перед троицей.

— Что ты сказал?!

— Прости, Фуджи, что не пришел раньше, задержался со своим отцом.

— Ишигами-кун...

Ребенок, к которому обратились как Ишигами, мягко взял плакавшего Фуджи за руку и повернулся к Ноги и остальным ребятам.

К спасителю, однако, неожиданно прицепились:

— Прости, Ишигами, но мне кажется, что Фуджи врет.

— А основания так думать есть? Канзаки-кун, ты ведь едва знаешь Фуджи, не так ли?

— Оснований у меня нет. Но и доказательств того, что это правда, тоже нет. В таком случае судить остается по поведению.

— Поведению? По-моему, вынести справедливое суждение, когда на тебя наседадут сразу несколько человек и практически пытаются заставить признать ложь, невозможно. То есть вы сами все для себя решили.

— Но ведь Ноги сказал, что Кадзуя обычно не раздает автографы. И что он впервые расписался для него.

— Правда?

— Да, так и есть! Мне так Кадзуя сказал, когда давал автограф, придурок!

— И все же доказательств, что ты говоришь правду, тоже нет, так?

— Ха! На, смотри! Я с ним даже сфоткался!

Ноги, словно только этого и ждал, показал экран телефона.

— Ну и? Снимок сделан два месяца назад. Возможно, Фуджи получил свой автограф после этого? С фотографией ты действительно можешь подтвердить, что для тебя расписались, тем не менее она никак не доказывает твоё заявление, что «Кадзуя обычно не раздает автографы», разве нет? Может, ты солгал, поскольку хотел показать, будто к тебе относятся по-особенному.

Судя по всему, представленное доказательство открыло возможность для контраргумента.

— Ничего я не лгал! Ты у меня сейчас получишь!

— Серьезно, Ишигами, брось это. К чему этот бессмысленный спор? Когда тот парень с нашего года обучения в подготовительной школе прицепился к тебе, ты даже возражать не стал. Потому что простое извинение приводит к мирному решению вопроса.

— Я так поступил, поскольку был единственным участником конфликта. Если беситься из-за слов оппонента, который тебе в подметки не годится, себе же хуже сделаешь. Другое дело,

когда друг в беде.

Из разговора становилось ясно, что Ишигами — выдающийся ребенок. Видимо, именно поэтому Рюджи инстинктивно начал спорить с ним.

— Напомни-ка, чем занимается твой отец? Он же не важнее моего?

Разумеется, мне пока не было необходимости вступать в разговор. Тем не менее, директор Ишигами в самом деле не владеет особенно крупной компанией.

— Причем здесь важность наших родителей? А вот что касается наших способностей, я бы поспорил.

Но с точки зрения образованности и талантов, он на голову выше окружающих его детей. Это из-за очень хорошей наследственности или результат воспитания?

— Ты точно сейчас у меня получишь!

Разозлившись, Ноги широко замахнулся правой рукой.

— Постой.

Именно Ишигами, которого собирался ударить Ноги, и прервал его. Показалось, что он испугался и сейчас извинится, но...

— Когда хочешь ударить кого-то, лучше сперва за грудки схвати, чтобы оппонент не убежал. Если промажешь и распластешься на полу, будешь выглядеть очень глупо, понимаешь?

— Э...

Мальчик так и застыл со сжатым кулаком.

— Говорю без хвастовства, мне не приходилось раньше драться. Наверняка у меня нет шансов. Но по крайней мере я смогу убежать. То есть мы будем бегать и кричать друг на друга. И раз твой отец такой важный, зрелище будет еще унижительнее. Правильно я говорю?

В зале, где шел прием, велись непринужденные разговоры под громкую, но утонченную музыку. Крик ребятни, однако, неизбежно привлечет к себе внимание.

— Ну, давай. Если собираешься ударить меня, сначала левой рукой схвати ворота. Обычно именно так поступают люди во всяких шоу по телевизору и сериалах, когда хотят побить кого-

то.

Последовав совету, Ноги схватил Ишигами за ворот левой рукой. Их окружили другие дети, так что сбежать не выйдет.

— Вот, как ты хотел!

Ноги теперь находился прямо напротив Ишигами. Затем он снова поднял кулак.

— Теперь не уйдешь!

— Как и ты.

— Э?..

Ишигами сразу обхватил держащую его руку Ноги — чтобы не дать отпустить себя. Затем он посмотрел на взрослых, стоящих поодаль. На мгновение его взгляд пересекся с моим, но Ишигами в итоге обратился к другим:

— Помогите мне! Кто-нибудь, на помощь!!!

— Чт?!.

Взрослые обернулись на громкий крик и увидели мальчика, которого схватили за воротник. В такой ситуации, когда кажется, что одного человека в окружении троих собираются избить, никто не будет выяснять, кто прав, а кто виноват. Единственная вещь, которая была очевидна: численный перевес хотят использовать для совершения насилия.

Разумеется, имя Ноги имеет определенное влияние, но не в мелкой детской склоке.

— Ты что творишь?!

Заметив спешащих к ним взрослых, Ноги сразу отпустил Ишигами и со своими друзьями ускакал, точно трусливые кролики. На месте остались стоять только три человека: плакавший Фуджи, Рюджи и Ишигами.

— Канзаки-кун, неужели ты ничего не мог с ними сделать?

— Не люблю неприятности... И не все проблемы можно решить дракой.

— А я ничего про драку и не говорил. Я имел в виду диалог. Знаю, пустить все на самотек проще. Но так можно сделать еще хуже. В особенности, когда имеешь дело с теми, кто хвастается влиянием своих родителей.

— Но он ведь солгал. Разве нет?

Рюджи стремился узнать истину. Ишигами не ответил, но выражение лица Фуджи сказало само за себя.

— Бывают моменты, когда тебе хочется соврать.

— Не понимаю... От этого вранья ведь не было пользы.

— Если бы Фуджи был твоим другом, Канзаки-кун, ты бы помог? Или все равно бросил бы на произвол судьбы, как собирался?

— Я...

— По крайней мере я выручу лучшего друга, оказавшегося в беде. Что бы он там не натворил.

По сравнению с теми детьми, которые вели себя незрело — что, впрочем, соответствовало возрасту, — Рюджи и Ишигами, судя по всему, могли спокойно рассуждать. Однако их образы мышления отличались друг от друга.

Ишигами вроде как весьма искусно уладил вопрос, вместе с тем на самом деле пошел на серьезный риск. Если бы Фуджи признался, что солгал, и извинился, как требовали того Рюджи и троица с Ноги во главе, его могли бы простить уже сейчас. Естественно, ему нужно быть готовым к последующим издевательствам.

— Аянокоджи-сенсей, прошу прощения за опоздание.

Когда я уже собрался забыть про детей, ко мне подошел слегка запыхавшийся Сакаянаги.

— Ты все-таки пришел, Сакаянаги.

— Ну конечно. Может, наши мнения разошлись в самом начале, но я все еще глубоко уважаю вас.

Затем я непринужденно пожал руку Сакаянаги, с которым встретился спустя столько времени. Вместе с тем, к тем детям также кое-кто подошел.

— Добрый вечер, Канзаки-кун.

— Только пришла, Сакаянаги?

— Привет, — сказал Ишигами. — Мне пора, Канзаки-кун, увидимся в школе.

— Ага...

— Выглядишь угрюмым. У вас что-то случилось?

Рюджи ответил, что ничего, и спешно ретировался.

— Твоя дочь здорово подросла с тех пор, как я видел ее в последний раз.

— Она прелестна во многих аспектах, но для меня, как для родителя, есть много поводов для беспокойств.

Она, кажется, имеет выдающийся интеллект, но из-за врожденного порока вынуждена как-то справляться со своей болезнью. Я предлагал поместить ее в Белую комнату, но хорошо, что получил отказ. В этом учреждении требуются абсолютно все способности, и чтобы они были по крайней мере выше посредственных.

— У тебя в силу положения могут возникнуть неприятности, если сблизись со мной, и все же я искренне благодарен, что ты пришел. Наслаждайся приемом.

— Спасибо вам огромное, Аянокоджи-сенсей.

Радостно улыбнувшись, Сакаянаги вместе с дочерью направился приветствовать остальных.

— А теперь...

Я прошел к мальчику, державшемуся на расстоянии, но продолжавшему поглядывать на меня — к Ишигами.

— Тебе что-то нужно от меня?

— Хотелось бы вернуть вопрос вам. Вы, кажется, наблюдали за нами. Для чего?

— Заметил, да?

Даже в той ситуации он тщательно следил за окружением.

— У меня есть вопрос. Почему ты не обратился напрямую ко мне, когда хотел позвать взрослых на помощь?

— Вы с самого начала молча смотрели и не вмешивались, хотя явно догадывались, что за Фуджи может потребоваться вступить. Я не был уверен, что вас можно счесть союзником.

Он протянул руку помощи, но если бы я проигнорировал его просьбу, ребенка действительно могли ударить несколько раз. Он за несколько секунд до возможной драки выбрал тех, кто однозначно помог бы.

— Эй, Кё! Ты же не доставляешь проблем Аянокоджи-сенсею?! — Тут же показался суетливый взрослый, директор «Ишигами групп».

— То-то мне ребенок умным показался. Так он ваш сын, директор Ишигами?

Ишигами Горо. В свои шестьдесят он занимал должность директора компании и обладал кое-каким влиянием. Насколько я знаю, у них с бывшей женой не было ребенка... Значит, он — от жены нынешнего брака, заключенного после смерти бывшей?

— Сходи, перекуси чего-нибудь.

— Конечно, отец.

Слегка склонив голову, сын директора Ишигами ушел.

— Кё ведь не доставил проблем?

— Нет, что вы, скорее я им очень даже впечатлен.

— Рад слышать... Я так переживаю, в силу возраста он мне больше во внуки годится.

Веди он себя по-детски, можно было бы понять его беспокойство. Но что меня поразило, так это его собранность.

— Вы его, кажется, очень хорошо воспитали.

— Спасибо за комплимент.

Он выше меня по статусу, но говорил вежливо и вел себя сдержанно.

Если воспитание будет таким же последовательным и дальше, его ребенок унаследует «Ишигами групп», и произойдет смена поколения. Единственный момент — возраст. Он унаследует компанию не раньше, чем ему исполнится двадцать с небольшим. Если будет нужда сперва подготовить почву, тогда после тридцати. К тому времени директору Ишигами будет за восемьдесят.

— Сенсей, вы, я так понимаю, намерены вернуться в мир политики?

— Да, намерен.

— В таком случае, можете в будущем взять к себе моего сына?

— Вашего... сына?

Мне сперва показалось, что он пошутил, но по выражению лица так не скажешь.

— Да. У него, кажется, есть интерес к политике. Как родитель, я хочу сделать все возможное, чтобы поддержать его — особенно когда он не проявляет особый интерес к чему бы то ни было.

«Если он пойдет в этом направлении, а не по моим стопам, я буду только рад», — улыбнулся директор Ишигами.

— Что же, когда подрастет и захочет пойти в политику, с удовольствием приму его. Мои слова были лишь хорошим тоном, хотя в том ребенке я и правда ощутил намек на талант. Правда, подойдет ли он для политической деятельности — уже другой вопрос.

Часть 6

Наконец, шли последние тридцать минут трехчасового приема.

Помимо повторной встречи с Сакаянаги, мне удалось получить достаточно средств для продолжения деятельности. И заодно я узнал, что есть люди, которые искренне ждут моего возвращения в мир политики.

— Аянокоджи-сенсей! Можно занять немного вашего времени?

— А кто...

— Для меня честь познакомиться с вами! Я Канзаки. Канзаки Томохиро, из «Инженерной

корпорации Канзаки».

— Так вы генеральный директор Канзаки? Да, приятно с вами познакомиться.

Насколько помню, эта корпорация была одной из первой, изъявившей желание вложиться в нас, когда проект Белая комната только начал работать, и среди финансовых групп пошли слухи о нем. Однако предложение поступило от корпорации с непродолжительной историей и малыми связями с политическим миром, поэтому в конечном счете мы отклонили его по собственным соображениям. Впрочем, не демонстрируя ни капли недовольства, через два года они снова предложили небольшое вложение.

— Хочу представить вам своего сына, Рюджи. Давай, поздоровайся.

— Здравствуйте, меня зовут Канзаки Рюджи... — отводя взгляд, вежливо представился он.

Понятно, так это тот ребенок.

— Ваш сын кажется весьма умным.

— Он — моя гордость. Мой ребенок стремится быть успешным как в учебе, так и в спорте — разумеется, куда же без каратэ и дзюдо, — поэтому я нанял ему репетиторов, а еще отправил в подготовительную школу.

— Как и думал, генеральный директор Канзаки, похоже, очень увлечен вопросом образования.

— Знаете, недавно его похвалил инструктор по каратэ. Сказал, что его навыков уже хватает, чтобы взять черный пояс.

— Вот как? Впечатляет.

Однако, если это правда, один момент не дает мне покоя. Я кивнул директору Канзаки, а затем напрямую обратился к Рюджи:

— Я хочу задать тебе один вопрос: ты видел издевательство детей, но не сделал ничего, чтобы помочь, так?

— Ну...

— Конечно, был численный перевес. Однако по словам директора Канзаки, у тебя выдающиеся навыки. Наверняка способы выхода из ситуации можно было придумать, нет? — спросил я,

делая вид, что не в курсе обстоятельств.

— Я был не причем... — Он неловко отвел взгляд.

— Да, конфликт разжег не ты. Но если бы помог, возможно, другая сторона была бы тебе должна. И этот долг мог быть возвращен в будущем.

— ...

— Если у тебя нет силы помочь, убежать или закрыть глаза на просьбу о помощи — нормально. Но, когда она есть, а ты выбираешь не использовать ее, то ты просто-напросто глупец, — разговорился я, положив руку на голову мальчика. Правда, сам он меня мало интересовал. — Сталкивайся с трудностями и думай, как следует поступить, стань примерным взрослым. Стань тем взрослым, что может помогать другим. И поддерживай своего отца, чтобы когда-нибудь стать тем, кто возглавит корпорацию.

С такими речами прямо перед генеральным директором Канзаки меня будет сложно забыть, и это не позволит ему легкомысленно отказаться от финансирования. Чем больше денег смогу привлечь, тем лучше.

— Э-э... спасибо... большое... Я буду думать, что могу сделать.

Видимо, находясь под впечатлением от моих слов, он, хоть раньше выражение его лица и оставалось серьезным, поклонился.

Часть 7

После окончания приема я опустился в кресло в аванзале, не утруждая себя тем, чтобы скрыть усталость.

— Прости за расхлябанность. Стоило схлынуть напряжению, как сразу навалилась усталость.

— Ничего страшного. Судя по виду, вы уже несколько дней как глаза не смыкали, да?

— Ха-а... Насквозь меня видишь?..

— Аянокоджи-сенсей, вы готовы без оглядки доводить себя до предела. Кроме того, Белая комната столкнулась с внушительной угрозой существования. И я был уверен, что, в какой бы ситуации не оказались, вы будете до последнего пытаться сохранять невозмутимость. Честно говоря, я глубоко восхищен вашими душевными силами.

Я лениво махнул рукой Сакаянаги, чтобы перестал уже льстить мне.

— Скажи лучше, зачем пришел. Едва ли только затем, чтобы выразить свое восхищение.

— У меня с отцом состоялась беседа, в которой я согласился в ближайшее время вступить в должность председателя совета директоров в старшей школе Кодо Икусей.

— О? Наконец-то выходишь на сцену? Посмотрев на все и под всеми углами, решил все-таки пойти по стопам своего отца? Скучный поворот, на самом деле, но в твоём стиле, Сакаянаги. Искренне поздравляю.

— Огромное вам спасибо. Я очень многому за эти годы научился у вас, Аянокодзи-сенсей.

Он не казался счастливым, и, видимо, о причинах я узнаю из дальнейшего разговора. О них, впрочем, можно догадаться, судя по тому, по чьим стопам он пошел.

— У председателя совета могут возникнуть определенные проблемы, если станет известно о его связях с человеком вроде меня. А значит, сейчас самое время для тебя разорвать наши отношения.

— Наши мнения могли не совпадать, и все же я высоко ценю вас, Аянокодзи-сенсей. Меня очень поразило, когда вы вступили в конфронтацию с Наоэ-сенсеем, но благодаря этому я ощутил в вас подлинный энтузиазм по отношению к Белой комнате. И поэтому... мне очень жаль, что придется от вас отдалиться.

Несмотря на тошнотворную речь, именно так и сказал бы Сакаянаги.

— Я не одержим Белой комнатой. Я обделенный. И оказываю Наоэ сопротивление только потому, что иначе у меня отберут все, что ждет меня в будущем. Если я каким-то образом выживу, как политик, на продвижение по службе рассчитывать даже не стоит. В Японии слишком сильно преобладает выслуга лет. Можно быть сколь угодно способным, но пока ты молод, тебя постоянно будут отсеивать. Или, если пытаешься выбраться через силу, тебя с помощью влияния скосят на корню. Но стоит только посмотреть на остальной мир, и тогда увидишь. Важные должности нередко занимают люди в возрасте двадцати лет. И нередко выходит так, что тридцатилетние стоят во главе страны.

Меня переполняли амбиции, как сильно бы я ни пытался их сдерживать.

— Зачем оставлять мир политики тем старым глупцам, которым жить осталось недолго? Им нормально уже то, что свои последние года проведут в спокойствии. Ради еще десяти или двадцати лет они готовы даже жертвовать нашей страной. А так будет продолжаться тридцать или даже сорок лет? Другие страны начнут откусывать от нас, от Японии в итоге не останется ни костей, ни плоти.

Если я сочту человека способным, я найму его и пущу в ход.

Разумеется, среди таких могут быть амбициозные люди, которые попытаются вонзить нож в спину, или типы, выполняющие чьи-то другие указания за кулисами. В любом случае я найму каждого, если они способны. Иначе грязную кровь политического мира не заменить, она останется такой навечно.

А сражаться только ради защиты собственного положения означает не сделать ничего для страны.

— Да, я тоже задавался таким вопросом. Получать право стоять во главе страны только к шестидесяти, семидесяти годам? Я могу понять ваше недоумение, Аянокоджи-сенсей.

— Вот для чего нужна крепкая основа для Белой комнаты — чтобы затем отправлять способных людей на перестройку организационной структуры страны. И начать я собираюсь с самого основания.

Пусть другие высмеивают меня, говоря про несбыточную мечту, но я добьюсь своего.

— Грандиозный план. На его реализацию может уйти десять-двадцать лет.

— Знаю. Может быть, все изменить в мое поколение не выйдет. Для этого нужно, чтобы кто-то перенял Белую комнату. Также необходимо получить «педагогов», которые с каждым разом смогут создавать все более совершенных людей.

А ведь уже есть такой ребенок, что вышел за пределы учебного плана Сузукаке.

— Но я все равно хочу встать спереди следующего поколения, а не плестись за ним. Мои амбиции не ослабели. Но... как только ты решаешь идти против огромной власти, назад дороги уже нет. Пока в Гражданской партии состоит Наоэ, для меня там места не найдется.

— Слышал, к вам уже довольно много раз обращались из оппозиционной партии.

— А ты неплохо осведомлен. Да, у меня есть тонна всякого разного материала. Похоже, оппозиционная партия из кожи вон лезет, чтобы получить его. Но даже если вступлю в нее, это лишь значит, что мною воспользуются. Кроме как ждать, пока не изменится мое положение, не остается ничего другого. И вот здесь начинается моя битва. Я должен накопить достаточно влияния, чтобы быть впоследствии избранным. Ведь к тому моменту все препятствия на пути — вышестоящие люди — либо уже умрут, либо отойдут от дел.

— Да... ошеломляющие планы.

Пройдя через целую череду ошибок и успехов, я приобрел также твердое убеждение. Не надо подражать успешным людям. Если бы можно было добиться успеха, подглядывая за теми, у кого все получилось, никому не пришлось бы страдать.

Что тогда делать? Не повторять за потерпевшими неудачу. Большинство людей в мире не добиваются успеха. Надо смотреть на них и не совершать тех же ошибок.

Это не одно и то же. Разница очень существенная, и я намерен следовать такой позиции.

— Желаю удачи, Сакаянаги. Надеюсь, однажды мы еще встретимся.

Я пожал ему руку и попрощался. Затем, проводив Сакаянаги взглядом до входной двери и оставшись один в тишине, уставился на городской пейзаж.

У нас есть такое выражение, как «заслуги и провинности». Весьма удобное для обозначения хороших и плохих поступков. Его можно употребить в отношении многих известных политиков. Кажется, будто они стремятся разработать успешные реформы, но вместе с тем ненасытно набивают себе карманы.

Вся проблема в том, что заслуги никогда не равны провинностям. Для окружающих пять провинностей значат больше, чем десять заслуг.

Иначе говоря, если спасаешь десять человек, но при этом позволяешь умереть пятерым, твой поступок все равно будет считаться плохим.

Вот что говорят массы.

Спаси десять человек, но никого не обдели.

Спаси сто человек, но никого не обдели.

Спаси тысячу человек — но если обделишь хотя бы одного, то поступишь плохо.

Такова психология толпы.

Разумеется, найдутся и те, кто скажет: «Ну раз спасли тысячу человек, закроем глаза на небольшие жертвы».

Но здесь есть нюанс.

Критикующие голоса всегда звучат громче.

Когда поднимается вой десяти процентов населения, СМИ тут же подхватывают его. Что создает иллюзию, будто воеет вся страна.

Желание покритиковать всегда будет привлекательнее желания хвалить.

— Просто подожди. Однажды я... непременно встану во главе страны.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96877/2789783>